

В. В. САПОВ

Вокруг «Вех» (Полемика 1909—1910 годов)

«Вехи» несомненно явились главным событием 1909 года. Ни до, ни после «Вех» не было в России книги, которая вызвала бы такую бурную общественную реакцию и в столь короткий срок (менее чем за год!) породила бы целую литературу, которая по объему в десятки, может быть, в сотни раз превосходит вызвавшее ее к жизни произведение. Разве что «Философическое письмо» Чаадаева, появившееся на семьдесят с лишним лет раньше «Вех», возбудило в русском обществе такое же «жаркое прение», хотя в силу «высочайшего указа» полемика вокруг чаадаевского «письма» не вышла за пределы салонов, конфиденциальных разговоров и частной переписки.

«Вехи» же обсуждались открыто (за небольшим исключением) и всенародно. Лекции о «Вехах» и публичные обсуждения книги собирали огромные аудитории. Лидер партии кадетов Милюков совершил даже лекционное турне по России с целью «опровергнуть» «Вехи», и недостатка в слушателях он, кажется, нигде не испытывал. Уместно вспомнить здесь слова Герцена по поводу «Философического письма» Чаадаева: «Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утра или о том, что его не будет, — все равно, надобно было проснуться»¹.

К «Вехам» это сравнение приложимо еще в большей степени. Недавние многочисленные переиздания сборника еще раз показали, что в «Вехах» заключено некое вечно актуальное содержание, которое еще долгие годы будет служить питатель-

¹ Герцен А. И. Соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 138.

ной почвой для размышлений о судьбах России и русской интеллигенции. Вероятно, каждое новое поколение русских людей будет перечитывать «Вехи» по-своему. Вероятно, при каждом новом историческом витке, который еще суждено пережить России, будет открываться и нечто новое в «Вехах». И совсем нетрудно предвидеть, что сегодня глубокое прочтение «Вех» возможно лишь с учетом всей «околовеховской» литературы.

Первым, кто осознал неотделимость развернувшейся вокруг «Вех» полемики от идей и от исторической судьбы самого сборника, был его инициатор и один из авторов — М. О. Гершензон. Как видно из письма к нему Б. А. Кистяковского от 6/19 июля 1909 года, Гершензон намеревался поместить «Библиографию “Вех”» уже в 3-м издании сборника². Видимо, по чисто техническим причинам 3-е издание «Вех» вышло без «Библиографии». Зато 4-е и 5-е издания были снабжены обширнейшей «Библиографией “Вех”», в которой учтено восемьдесят периодических изданий России, на страницах которых печатались отзывы о «Вехах». Вся тогдашняя Россия — от Варшавы до Благовещенска и от С.-Петербурга до Тифлиса — приняла участие в обсуждении сборника о русской интеллигенции.

Библиография, собранная Гершензоном, насчитывает 217 наименований (это практически полная библиография, в которой не учтены только социал-демократические и нелегальные издания) и охватывает период с 23 марта 1909 года по 15 февраля 1910 года. Poleмика вокруг «Вех» разворачивалась стремительно. «Вехи» вышли в свет в середине марта 1909 года³. И уже в марте появилось 8 критических статей. В апреле их было уже 35, а в мае — 49 (!). Самый «урожайный» веховский день — 23 апреля: в этот день появилось сразу шесть статей о сборнике. В июне страсти вокруг «Вех» несколько утихают — 23 статьи; в последующие месяцы до конца года выходит в среднем по 20 статей. Наконец, за полтора месяца нового, 1910 года появились еще 22 статьи.

После Гершензона литературу о «Вехах» никто систематически не собирал. Это, разумеется, не означает, что полемика вокруг «Вех» прекратилась и больше никаких публикаций по поводу сборника не было. И тем не менее то, что собрано Гершензоном, производит впечатление удивительной цельности и

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 746. К. 34. Ед. хр. 43. Л. 42.

³ Объявление о выходе в свет сборника «Вехи» было напечатано в газете «Русские ведомости» 15 марта 1909 г.

законченности. Во всяком случае, чтение сборника «Вехи» в контексте развернувшейся вокруг него полемики производит совсем иное впечатление, нежели чтение вне этого контекста. В настоящее время история сборника «Вехи» изучена достаточно подробно⁴. Причем «пионерами» в деле изучения этой истории, как и в сборе «околовеховской» библиографии, были сами участники сборника. В книге, посвященной «другу и учителю», С. Л. Франк писал: «Весна 1909 г. была ознаменована... большим литературно-общественным событием — опубликованием сборника “Вехи”, в котором семь писателей объединились в критике господствующего, материалистического или позитивистически обоснованного политического радикализма. Идея и инициатива “Вех” принадлежала московскому критику и историку литературы М. О. Гершензону. Гершензон, человек чрезвычайно талантливый и оригинальный, по своим идейным воззрениям был довольно далек П. Б. и мне, как и большинству остальных участников “Вех”. Он исповедовал что-то вроде толстовского народничества, мечтал о возвращении от отрешенной умственной культуры и отвлеченных политических интересов к некой опрошенной органически целостной духовной жизни; в его довольно смутных воззрениях было нечто аналогичное немецкому романтическому прославлению “души”, как протесту против засилья иссушающего интеллекта. Но он нашел сообщников в своем замысле критики интеллигентского мирозерцания только в составе бывших соучастников сборника “Проблемы идеализма”: это были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и я, к которым был присоединен еще близкий П. Б. и мне публицист А. С. Изгоев. Общая тенденция главного ядра сотрудников “Вех” была, в сущности, прямо противоположна тенденции Гершензона. Если Гершензону мирозерцание и интересы русской радикальной интеллигенции представлялись слишком сложными, утонченными, отравленными ненужной роскошью культуры и он призывал к

⁴ См.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996; *Латынина Ю.* Уроки «Вех» // Знание — сила. 1991. № 2; *Давыдов Ю. Н.* Горькие истины «Вех» // Социологические исследования. 1990. № 1; 1991. № 1, 8; К истории создания «Вех» / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. 11; *Гайденок П. П.* «Вехи»: не услышанное предостережение // Вопросы философии. 1992. № 2; *Креацца Д. К.* «Вехи» и проблема русской интеллигенции. М., 1993. Из переизданий «Вех» лучшее — «Вехи. Из глубины» (М., 1990).

«опрощению», то наша задача состояла, напротив, в обличении духовной узости и идейного убожества традиционных интеллигентских идей. Позднее я, шутя, как-то сказал Гершензону, что мы, собственно, имели намерение напасть друг на друга и что только потому, что в промежутке между нами стояла «русская интеллигенция», мы принялись совместно, но с разных сторон, наносить ей удары. Разногласие это обнаружилось тотчас же по выходе в свет “Вех”: П. Б. дал в “Русской мысли” уничтожающе-резкий отзыв о статье Гершензона. Сама возможность сотрудничества основного ядра участников “Вех” с их инициатором Гершензоном была определена тем, что Гершензон — вообще человек чудаковатый и капризный — решил, в интересах независимости суждения отдельных участников, не знакомить никого из нас до напечатания со статьями остальных сотрудников, так что каждый из нас ознакомился с содержанием “Вех” только после их опубликования; не было и никакого предварительного редакционного сговора и обмена мнений.

Но это разногласие прошло в общем незамеченным: индивидуальный голос Гершензона как-то потонул в солидарном хоре голосов остальных участников “Вех”. Несмотря на то, что замысел их принадлежал Гершензону, и несмотря на отсутствие всякого сговора, “Вехи” выразили духовно-общественную тенденцию, первым провозвестником которой был П. Б. Эта тенденция слагалась из сочетания двух основных мотивов: с одной стороны, утверждалась — против господствующего позитивизма и материализма — необходимость религиозно-метафизических основ мировоззрения — в этом отношении “Вехи” были прямым продолжением и углублением идейной линии “Проблем идеализма”; и с другой стороны, в них содержалась резкая, принципиальная критика революционно-максималистических стремлений русской радикальной интеллигенции. Я участвовал в “Вехах” статьей “Этика нигилизма”, в которой пытался свести в систему “нигилистический морализм” интеллигентского мировоззрения и вскрыть его безвыходную противоречивость; статья моя кончалась призывом к замене “нигилистического морализма” *“религиозным гуманизмом”* (под этим несколько туманным термином мне тогда представлялась христианская идея богочеловечности). Более открыто и отчетливо этот призыв был выражен С. Н. Булгаковым (который уже тогда был верующим православным христианином) в статье “Героизм и подвижничество”, в которой идеалу революционного героизма противопоставлялся идеал христианской святости. П. Б. написал для “Вех” статью “Интеллигенция и револю-

ция”; помню, что мы с ним, не сговариваясь, чрезвычайно близко сошлись в духе и идейных мотивах критики интеллигентского мирозерцания и что и он сам, и Н. А.⁵ мне это с удовольствием высказали.

“Вехи” имели шумный, сенсационный успех. Они были главной литературно-общественной сенсацией 1909 г. В течение полугода они выдержали пять изданий (первое в 3000 экземпляров, последнее, помнится, в пять тысяч); к последнему изданию был приложен составленный Гершензоном большой библиографический список журнальных и газетных откликов на них. Успех этот был по существу успехом скандала. Если идеи “Проблем идеализма” уже воспринимались как еретические, то ересь подобного рода — критика позитивизма и материализма, пропаганда “идеализма” — все же снисходительно прощалась радикальным общественным мнением как относительно невинное, хотя и небезопасное, чудачество. Иное дело — критика основного, священного догмата радикальной интеллигенции — “революционизма”; она рассматривалась как дерзновенная, безусловно нестерпимая измена вековым священным заветам русской интеллигенции, как измена традиции, завещанной “пророками” и “святыми” русской общественной мысли — Белинским, Грановским, Чернышевским, Писаревым, как предательство векового стремления к свободе, просвещению и прогрессу и переход на сторону черной реакции. Против “Вех” восстали не только революционеры и крайние левые; не менее, пожалуй, были шокированы и возмущены ими и умеренно-либеральные круги. Противники “Вех” придавали им, очевидно, очень большое — бесспорно преувеличенное — политическое значение: опасались, что они будут содействовать росту консервативных течений и ослаблению либеральных и радикальных сил. Только этим можно объяснить, что такой практический политик, как П. Н. Милюков, лидер партии и член Думы, счел необходимым совершить лекционное турне по России, чтобы перед большими аудиториями громить “Вехи”. Господствующее общественное мнение восприняло из духовной тенденции “Вех” только эту, политическую сторону, которая для нас самих была хотя и “существенной”, но все же лишь производной от более основной нашей задачи — пересмотра самих духовных основ господствующего мирозерцания.

Это соотношение ярко сказалось в прениях о “Вехах”, устроенных тотчас же после выхода сборника, в апреле 1909 г., петер-

⁵ Жена П. Б. Струве Нина Александровна.

бургским Религиозно-философским обществом. <...> Застрельщиками в критике «Вех» были нераздельные тогда Д. С. Мережковский, Зинаида Гиппиус и Д. В. Filosoфов (бывшие главными руководителями Общества). Filosoфов в своем докладе сопоставлением цитат из статей ненавистного оппозиционному общественному мнению Меньшикова и из статьи П. Б. в «Вехах» пытался скомпрометировать идеи «Вех» простым утверждением солидарности их идей с черносотенством публициста «Нового времени». Мережковский прочитал свою (потом напечатанную в «Речи») статью против «Вех» под ядовитым заглавием «Семь смиренных» (он уподоблял семь участников «Вех» семи «смирненным» иерархам, членам Святейшего Синода, отлучившим Льва Толстого от церкви). Из участников «Вех» в собрании выступали П. Б. и я, и несмотря на то, что массовое настроение аудитории было против нас и на стороне наших противников, нам без труда удалось все же обличить поверхностность этой критики и иметь некоторый успех. Вообще, идеи «Вех», вопреки солидарному хору яростной критики, которой они были встречены или отчасти даже благодаря рекламе, созданной этой критикой, не остались без влияния по крайней мере на избранное меньшинство русской интеллигенции. Они во всяком случае сделали одно дело — пробили толщущу заносчивой цензуры общественного мнения, не позволявшей говорить иначе чем с благоговением об освященных традицией радикализма идеях. И если «Вехам» не суждено было иметь определяющего влияния на ход русской политической жизни — их идеи потонули во вновь нараставшей в более широких массах общества и народа волне политического радикализма, особенно усилившейся во время войны 1914—1917 гг., — то в дружном и энергичном отпоре, которым общественное мнение интеллигенции встретило большевистскую революцию, как и в возникших после революции симптомах покаяния и возрождения, — идеям «Вех» по праву можно приписать существенное влияние»⁶.

«Околоуховская» литература изучена гораздо хуже. Здесь области сравнительно подробно изученные соседствуют с обширными «белыми пятнами». Так, например, хорошо (точнее, относительно хорошо) изучена позиция, занятая по отношению к «Вехам» партией кадетов. Но и здесь центром изучения является не журнально-газетная публицистика, а кадетский антиуховский сборник «Интеллигенция в России» (СПб., 1910).

⁶ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 81—86.

Гораздо меньше изучена позиция партии эсеров, также издавших специальный сборник ««Вехи» как знамение времени» (М., 1910). Странно, что практически не изучена и вообще мало известна позиция социал-демократов (за исключением статьи В. И. Ленина, которая в широком контексте антивеховских публикаций производит совсем иное впечатление, чем в составе ПСС). Совсем не изучена правая монархическая и черносотенная реакция на сборник «Вехи». Никогда не принималась во внимание и позиция отдельных писателей и публицистов, например, таких как А. Белый, К. Чуковский, М. Шагинян и др. Никто, кажется, никогда не обращал внимание на тот факт, что в один год с «Вехами» вышли в свет еще две выдающиеся книги, каждая шедевр в своем роде, — «По звездам» Вяч. Иванова и «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина. Совпадение символическое!

...Поход против «Вех» открыла статья Александра Модестовича Хирьякова «Близкие тени», опубликованная в газете «Правда жизни» 23 марта 1909 года (то есть буквально через неделю после выхода в свет «Вех»). Хирьяков был сотрудником издательства «Посредник», человеком близким к Л. Н. Толстому. Ожидалось слово и самого Льва Николаевича. 12/25 мая 1909 года в газете «Русское слово» появилось сообщение «Л. Н. Толстой о сборнике “Вехи”», в котором говорилось, что «сборник “Вехи” обратил на себя внимание и Л. Н. Толстого... Внимание Л. Н. Толстого привлекла статья г. Булгакова “Героизм и подвижничество”. У Л. Н. есть свое слово по этому поводу, которое он хочет высказать. Глубина и оригинальность его мысли дадут, конечно, ему возможность лучше оценить психологию героизма и подвижничества, чем это сделала компания беспрерывно во всем кающихся интеллигентов. Л. Н. заканчивает статью по упомянутому вопросу. Основные его мысли мы вскоре сообщим читателям».

Ждать читателям пришлось недолго: 21 мая/3 июня в «Русском слове» была опубликована статья С. Спиро «Л. Н. Толстой о “Вехах”». «Вчера, — сообщал С. Спиро, — по поручению редакция я ездил в Ясную Поляну. Лев Николаевич в беседе со мною подробно изложил свою точку зрения на вопросы, затронутые “Вехами”:

— Я решил не печатать моей статьи, — заявил Лев Николаевич, — так как не желаю вызвать, боюсь этого, недоброе чувство в людях. А между тем, очень рад высказать мысли, навеянные этой книжкой, почему и беседую с вами».

Далее в статье излагалось мнение Л. Н. Толстого о «Вехах»:

«Так как я давно уже и твердо убежден в том, что одно из главных препятствий движения вперед к разумной жизни и благу заключается именно в распространенном и утвердившемся суеверии о том, что внешние изменения формы общественной жизни могут улучшить жизнь людей, то я обрадовался, прочтя это известие, и поспешил достать литературный сборник “Вехи”, в котором, как говорилось в статье (имеется в виду одна из критических статей о “Вехах”, которую прочитал Л. Н. Толстой. — В. С.), были выражены эти взгляды молодой интеллигенции.

В предисловии была выражена та же в высшей степени сочувственная мне мысль о суеверии внешнего переустройства и необходимости внутренней работы каждого над самим собой. И я взялся за чтение статей этого сборника.

Я ждал ответа на естественно вытекающий вопрос о том, в чем должна состоять та внутренняя работа, которая должна заменить внешнюю, но этого-то я и не нашел. И если есть что-нибудь подобное такому ответу, то были ответы, выраженные в особенно неясных, запутанных, неопределенных и поразительных искусственных словах...

И, читая все это, мне невольно вспоминается старый умерший друг мой, тверской крестьянин Сютаев, в преклонных годах пришедший к своему ясному, твердому и несогласному с церковным пониманию христианства. Он ставил себе тот самый вопрос, который поставили авторы сборника “Вехи”. На вопрос этот он ответил своим тверским говором тремя короткими словами: “Все в тебе”, говорил он, “в любви”.

Все сказанное здесь Л. Н. Толстым почти дословно совпадает с содержанием его посмертно опубликованной статьи «О “Вехах”»⁷.

Многочисленные поклонники таланта «матерого человека» были, должно быть, немало разочарованы, ознакомившись с примитивными, но отнюдь не неожиданными суждениями писателя о «Вехах». Некогда, в статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», Толстой, к изумлению читающей публики, поведал, что полуграмотный крестьянский мальчишка Федька «вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой, на всей своей необъятной высоте развития, не может достичь Гете»⁸. Теперь, спустя почти полвека, крупнейшим мыслителям Рос-

⁷ Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. (юбилейное). Т. 38.

⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч. М., 1983. Т. 15. С. 17.

сии он противопоставил и вовсе безграмотного «тверского крестьянина Сютаева».

Видимо, из уважения к художественному гению писателя его «новое слово» о «Вехах» не получило никакого отклика в печати. Дальнейшие «приключения» критического отзыва о «Вехах» Л. Н. Толстого довольно увлекательны, но в целом наделяются «по ту сторону науки и искусства»⁹.

Ко времени выступления Л. Н. Толстого в печати общее негативное отношение к «Вехам» со стороны практически всех слоев российской интеллигенции уже вполне четко обозначилось. 14 апреля 1909 года состоялось собрание исторической комиссии учебного отдела Общества распространения технических знаний. Краткий отчет об этом собрании был помещен на страницах газеты «Русское слово» 15 апреля. В отчете была приведена резолюция, принятая собранием: «Признавая сборник “Вехи” продуктом романтически-реакционного настроения известной части русской интеллигенции, вызванного временным упадком общественных интересов, историческая комиссия констатирует наличность в упомянутой книге грубых внутренних противоречий, шаткость основных точек зрения авторов и крайне несправедливое отношение к прошлым и настоящим заслугам лучших элементов русской общественности, самоотверженно и неустанно стремящихся к высшим социально-политическим идеалам».

Из «прекрасного далека» — с Капри — прозвучал (правда, лишь в частных письмах) голос «буревестника революции». В начале европейского апреля 1909 года М. Горький спрашивал у Е. К. Малиновской: «Приятно ли читали “Вехи” Струве и К? Давно уже не было в нашей литературе книги столь фарисейской, недобросовестной и сознательно невежественной».

И приблизительно в те же дни он писал Е. П. Пешковой: «А то еще есть альманах “Вехи” — мерзейшая книжица за всю историю русской литературы. Черт знает что! Кладбище, трупы и органическое разложение. “Месть мертвых, или Русские интеллигенты в первое десятилетие XX века” — вот заголовок романа, который когда-нибудь будет написан на тему о наших днях».

Горький уже в то время задумал роман о «человеке, который сам себя выдумал», или — что то же — об «интеллигенте-разночине». Вот его первоначальный, пока еще очень смутный,

⁹ См. по этому поводу статью Н. Полторацкого «Л. Толстой и “Вехи” в советском литературоведении» (Мосты [Мюнхен]. 1965. № 11).

но довольно зловещий план: «Радикальство — народничество — оппортунизм, консерваторство-декаденство. Полный моральный крах. Сознание. Раскаяние. Смерть»¹⁰.

Четверть века спустя в романе «Жизнь Клима Самгина» «роковую» фразу М. О. Гершензона он вложит в уста некоему Прейсу — «шалльному еврею» и «отличному оратору»: «Мы, говорит, должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной»¹¹.

«Роковая фраза» сыграла поистине роковую роль для репутации «Вех»; для многих критиков сборника весь он чуть ли не сводился к этой одной-единственной фразе, так что читателю настоящей антологии она встретится, по крайней мере, несколько десятков раз. Гершензон пытался оправдаться. Во 2-м издании «Вех» он сделал такое примечание: «Эта фраза была радостно подхвачена газетной критикой как публичное признание в любви к штыкам и тюрьмам. — Я не люблю штыков и никого не призываю благословлять их; напротив, я вижу в них Немезиду. Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит ее, а власть, *против* которой она боролась, оказывается ее защитницей, хочет ли она того или не хочет. “Должны” в моей фразе значит “обречены”: мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью — в этом и заключается ужас, и на это я указываю».

При включении статьи в сборник «Исторические записки» М. О. Гершензон убрал «роковую» фразу. С рецензией на сборник выступил П. Б. Струве, который обратил внимание на «исчезновение» этой фразы, восстановил ее и обрушился с резкой критикой¹².

Характерно, что «антивеховскую» — в данном случае — позицию «веховца» Струве осудил не кто иной, как его родной брат. Вот что писал ему В. Б. Струве: «Тебе я не могу не сделать решительного упрека. Открещиваясь от ужасной фразы Гершензона, ты изменил самому себе, т. е. ты сделался в первый раз, насколько мне известно, неискренним. Не надо было допускать этой фразы в сборнике, если вы полагали, что по

¹⁰ Горький М. Собр. соч. М., 1979. Т. 11. С. 525.

¹¹ Там же. Т. 13. С. 86—87.

¹² См.: Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сб. статей за пять лет (1905—1910 гг.). СПб., 1911. С. 469 и сл., особ. с. 478.

“тактическим” соображениям придется от нее отрещиваться. Ты отлично понимаешь, что эту фразу нельзя ставить в одну скобку со всею массою других девиаций в миросозерцании авторов. Она требовала или цензорского карандаша, или надо было последовательно и мужественно раскрывать весь ее “ужасный” смысл, всю ее “ужасную” правду. И что бы ты ни писал, что бы ты ни говорил, я не могу отрешиться от внутреннего убеждения, что понимаешь и этот смысл и эту правду. Сказавши правду, не надо было “конфузиться” и извиняться. Вы не сказали еще одной правды — не знаю, умышленно или неумышленно: что наша интеллигенция воспитана и обучена на медные гроши, почему и цена ей соответственная. В статье Изгоева так и чувствуется, что это недосказано. Если бы вы это осмелились сказать, то “негодование” не было бы пределов. Мы очень не любим неприятных фактов, из-за которых нельзя притянуть к непосредственной ответственности начальство»¹³.

Не менее роковую роль для репутации «Вех» (разумеется, в глазах общественного мнения того времени) сыграло открытое письмо авторам сборника «Вехи», написанное архиепископом Антонием. Не случайно пик околореховских публикаций приходится именно на май месяц. Теперь уже все (кто хоть сколько-нибудь считал себя «прогрессивным») поспешили отмежеваться от «Вех» — даже те, кто до этого занимал нейтрально-выжидательную позицию. Снова обрушился на «Вехи» Д. С. Мережковский¹⁴, который ранее в статье «Семь смиренных»¹⁵, казалось, сказал уже все в адрес «Вех», что имел сказать.

Но поразительнее всего реакция на переписку архиепископа Антония с авторами «Вех», которая последовала со страниц черносотенной печати. Вот что писал Д. Булатович¹⁶ в статье «Антихристово наваждение»: «Опять этот злобесный Бердяев! Изобрел Бердяев, вкупе с Булгаковым и Струве, “неохристианство» и скромно оповестил о том весь свет в сборнике “Вехи”.

¹³ Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 7: «Вехи» и «веховцы». М., 1992. С. 49—50.

¹⁴ Мережковский Д. С. К соблазну малых сих // Речь. 1909. 6 сентября.

¹⁵ Там же. 1909. 26 апреля.

¹⁶ До этого Д. Булатович уже дважды выступал с критикой в адрес «Вех» — со статьей «“Вехи” и новременский вестовой» (Русское знамя. № 86. 1909. 5 мая) и со статьей (фактически целым трактатом, который по объему едва ли не превосходит критикуемый сборник) «“Вехи” как дымящиеся головешки» (Там же. № 143, 145, 149, 154, 157, 165, 169, 171, 175).

<...> С самого начала я имел смелость предсказать веховцам полное фиаско. <...> Но понеже основоположники “неохристианства” суть известные шарлатаны, и понеже изобретение “неохристианства” сделано ими с политическими целями, то не приходится удивляться, что равнодушные публики нисколько не смутило и не подвинуло их к критическому пересмотру своей универсальной галиматьи, но подстрекнуло прибегнуть к обычному шарлатанскому приему — завлечению в свои сети <...> какого-нибудь видного представителя враждебного политического лагеря.

Облюбовали они некоего архиепископа А., о котором утвердилось в жидовской печати одновременно три славы: черносотенца, “неправославного” и кандидата в патриархи <...>. Облюбовав — принялись обрабатывать <...>. Вероятно, тотчас по выходе «Вех» архиепископу презентовали экземпляр книги с сопроводительным письмом лестного содержания <...>. Что-нибудь в этом роде было, наверное, иначе положительно нельзя объяснить появление восторженного “Открытого письма авторам сборника «Вехи»”. <...>

Не зная архиепископа А., я имею право, ввиду очевидного несоответствия восторженности его приветствия ни духу “Вех”, ни личностям их авторов, предположить только одно, что преосвященный, будучи незнаком с типами вроде Струве и Бердяева и не придавая значения совместному выступлению “неохристиан” с Изгоевыми и Гершензонами, поддался первому впечатлению, навеянному сравнительно приличной статьей С. Булгакова¹⁷.

Переписка архиепископа Антония с веховцами объективно составляет своего рода кульминацию околоревизионской полемики. «Открытое письмо» архиепископа Антония обозначило переход на более высокий и более глубокий уровень рассмотрения проблем, поднятых в «Вехах». «От фельетона — на уровень теории» — так можно назвать этот качественный скачок полемики, происшедший после «Открытого письма», если воспользоваться жанровой спецификацией.

Кроме того, в письме архиеп. Антония «Вехи» рассматривались как событие в духовной и культурной жизни России, а не как событие *политическое*. Эта существенная особенность послания архиепископа не была замечена современниками и может ускользнуть от внимания и нынешних читателей. Современниками (во всяком случае, их подавляющим большин-

¹⁷ Русское знамя. № 192. 1909. 29 августа.

ством) сам факт открытой переписки Антония с веховцами был воспринят и оценен как событие партийно-политическое, как некое давно чаемое «срывание масок», обнаружение «подлинного лица», то есть попросту говоря, как новая пища для новых фельетонов.

Но в содержание «переписки» никто не хотел вникать, как она того заслуживала. Не хотели и сами переписывающиеся стороны. Антоний на страницах двух своих посланий не стал обсуждать темы, которые в то время часто обсуждались на заседаниях Религиозно-философского общества, — о «параличе» русской церкви, о превращении православия в одного из «китов» самодержавия. Он просто пустился в самую очевидную идеализацию «Союза русского народа» и советовал Бердяеву посетить одну из чайных «Союза русского народа». (Бердяев совету не внял: во всяком случае, в своей философской биографии «Самопознание» он не сообщает о своих посещениях черносотенных чайных.)

Но и П. Б. Струве с Бердяевым обнаружили чуть ли не полную глухоту к словам Антония. Репутация архиепископа Антония — «черносотенца» (как видно из его ответа Бердяеву, хотя бы отчасти им заслуженная) побудила их, в сущности, акцентировать именно партийно-политическую сторону «Открытого письма» архиепископа, и даже не столько письма, сколько самого факта письма.

Если до «Открытого письма» архиепископа Антония было неприлично писать или говорить о «Вехах», не заглянув хотя бы в содержание самого сборника, то после письма это стало чуть ли не повсеместным явлением. Показателен в этом отношении фельетон Аркадия Аверченко, который, несмотря на все его литературные достоинства, имеет такое же отношение к «Вехам», как и к проблеме «есть ли жизнь на Марсе?». Фельетон Аверченко обнажил своего рода «тайну» — *sacrum sacrogitum* — околосеменовской полемики: большинство ее участников свое отношение к сборнику определяло не в зависимости от его конкретного содержания, а в зависимости от реакции на него тех или иных общественно-политических сил, что к концу 1909 года высчитывалось уже чисто математически. Короче говоря, за немногим исключением, — это было непрерывное «равнение направо» или «равнение налево», это была не реакция на сборник, а реакция на реакцию.

Антоний похвалил! Для читателей того времени это звучало почти как команда. Для «левых» это означало: похвалил монархист, черносотенец, государственник, славянофил и вооб-

ще — «мракобес». А для «правых»: государственника, столпа православия, «кандидата в патриархи» исконные враги православной Руси «обработали»!

Исходя из одного этого, и те и другие знали, что им делать, как именно анафематствовать злополучный сборник. А что вообще надо анафематствовать — в этом не сомневался никто.

Били и слева и справа, чаще попадая друг в друга, а не в критикуемый сборник, часто же — вообще никуда не попадая.

«А в это время Бонапарт переходил границу»...

«Ильич» очень долго хранил молчание по поводу «Вех». До самой середины мая 1909 года он был занят делами по изданию своей книги «Материализм и эмпириокритицизм». Затем хлопотал насчет рецензий, — словом, было не до «Вех». Быть может, В. И. Ленин и вовсе бы не принял участия в дискуссии, так как было очевидно, что «интеллигенция» сама успешно справится (и расправится) с «возмутителями спокойствия». Ленин в рамках своей партии выполнял ту же функцию подавления всяческого инакомыслия, какую русская «интеллигенция» играла по отношению к авторам «Вех». Возможно, чашу терпения Ильича переполнила рецензия на его книгу, опубликованная С. Л. Франком в газете «Слово» 12/25 июня 1909 года. Рецензия эта стоит того, чтобы привести ее полностью:

«Немало приходилось нам читать из русской литературы марксистской философии в обеих ее фракциях — материалистической и “эмпириокритической”. Вся она почти без исключения страдает одним органическим недостатком — смешением научного критерия истинности с политическими мерками “прогрессивности” или “классовой пролетарской чистоты”. Тем не менее в ней встречаются произведения серьезные и добросовестные, вроде работ Г. Бермана и П. Юшкевича, ярко контрастирующие с преобладающей здесь полемической шумихой. Никогда, однако, не случалось нам читать ничего более грубого, пошлого и первобытного, чем книга г. Ильина, посвященная защите материализма и дискредитированию эмпириокритицизма. Это дискредитирование ведется чрезвычайно просто — посредством обнаружения точек соприкосновения между эмпириокритицизмом и философским идеализмом. Эта близость, отрицать которую невозможно (но которую автор незаконно или грубо смешивает с совершенным тождеством), достаточна для г. Ильина, чтобы признать нелюбимую им точку зрения “фидеизмом” (мировоззрением, допускающим религиозную веру) и морально уничтожить ее эпитетами “поповщина”, “реакционное мракобесие” и т. п. О характере изложения и рассуж-

дения дают понятие следующие фразы: “в философии поцелуй Вильгельма Шуппе ничуть не лучше, чем в политике — поцелуй Петра Струве или г. Меншикова” (стр. 71). “Вундт... содрал маску с кривляки Авенариуса” (стр. 94). “Имманенты — самые отъявленные реакционеры, прямые проповедники фидеизма, цельные в своем мракобесии люди” (стр. 248). Они же — “немецкие Меншиковы” (стр. 249). Защита реализма у Шуппе — “грубая мошенническая проделка”. Ученики Авенариуса — “клоуны буржуазной науки” (стр. 383). В таком стиле и с такой убедительностью и беспристрастностью написана вся толстая книга в 400 с лишним страниц.

Писать можно, конечно, что угодно и как угодно. Но что подобные готтентотские упражнения в сочетании философских слов с ругательными так легко находят себе издателей, а следовательно, рассчитывают найти читателей — есть глубоко грустное явление, свидетельствующее о низком уровне не только господствующего философского образования, но и нашей общей культурности. Из уважения к русским читателям, из уважения к человеческой личности самого автора мы надеемся, что его книга пойдет на макулатуру».

Увы, увы и еще раз увы... История распорядилась по-своему. 13 декабря 1909 года автор книги, которую рецензент-«веховец» советовал пустить на макулатуру, на долгие десятилетия заклеил «Вехи» как «энциклопедию либерального ренегатства» (газета «Новый день»).

С некоторой долей условности можно сказать, что ленинская статья подвела общий итог полемике вокруг «Вех». Только слово «итог» уместно заменить словом «приговор», который и будет приведен в исполнение через несколько лет.

Выше уже отмечалось, что можно считать символическим почти одновременный выход в свет сборника «Вехи» и книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Одна книга была пророческим предупреждением против закамуфлированных угроз и обещаний второй. «От этой книги, — писал Н. Валентинов о «Материализме и эмпириокритицизме», — идет уже прямая, хорошо выглаженная бульдозерами дорога к государственной философии, опирающейся на ГПУ—НКВД—МГБ»¹⁸.

Напомним, что из семи авторов «Вех» пятеро — кроме М. О. Гершензона и умершего в 1920 году Б. А. Кистяковского — в 1922 году были высланы из советской России. После Октябрьской революции сборник «Вехи» на долгие десятилетия

¹⁸ Валентинов Н. Встречи с Лениным // Волга. 1990. № 2. С. 126.

был «посажен» в спецхран. Книга «Материализм и эмпириокритицизм» была издана в СССР 107 раз общим тиражом в 5 157 000 экземпляров на 23 языках (данные на 1 января 1960 года¹⁹). Прибавьте к этому 60 миллионов погибших и замученных за все годы советской власти — такой приблизительно будет цена неслышанного пророчества «Вех». Приблизительно — поскольку разрушение культуры, нравственное одичание народа, потери от нереализованных потенциальных возможностей — все это не поддается точному учету. Прав В. В. Розанов, писавший о «Вехах»: «Это самая грустная книга...»²⁰.

Итак, читая сегодня «Вехи» и околорозановскую полемику, будем помнить: с начала 1910 года до Октябрьской революции оставалось 7 лет 9 месяцев 25 дней...

---

¹⁹ Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 362.

²⁰ Новое время. 1909. 27 апреля.